

Р.М. НУРЕЕВ, д.э.н., профессор,

Ю.В. ЛАТОВ, к.э.н., доцент,

Государственный университет – Высшая школа экономики (г. Москва)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, КОТОРУЮ ПРЕДСТОИТ СОЗДАТЬ: ИСТОРИЯ КАК КОНКУРЕНЦИЯ ИНСТИТУТОВ

В ожидании новой "большой теории". Особенностью современного этапа развития экономико-исторической науки является превалирование эмпирических исследований над «большой теорией». В результате возникает ситуация, когда большое число интересных и важных исследований частных проблем остаются «осколками мозаики», не складываются в целостную картину закономерностей исторической эволюции общества в целом¹. Это хорошо видно по преподаванию экономической истории на Западе, где курсы, посвященные отдельным фрагментам истории (скажем, истории миграции в США, истории промышленной революции в Великобритании), решительно преобладают над интегративными курсами по всемирной экономической истории. Те учебные пособия по всемирной экономической истории, которые пользуются популярностью, демонстрируют приоритетное внимание лишь к событиям истории западно-европейской цивилизации последних трех столетий, причем без осмысления их сквозь призму экономических метатеорий².

Ближе всех среди современных экономистов-историков к созданию новой метатеории экономической истории подошел

Дуглас Норт³. Однако и его синтез пока не завершен. Эта незавершенность заметна хотя бы в его сосредоточенности, главным образом, на истории нового времени, в отсутствии у него концепции фаз исторического развития хозяйственной жизни. Очевидно, создание новой теории экономической истории потребует объединения достижений не только «нового», но и «старого» институционализма.

В современной экономической истории как науке можно встретить не менее полудюжины институциональных концепций, претендующих в той или иной степени на статус «большой теории»:

1) марксистская традиция анализа экономической истории как прогрессивной эволюции производственных отношений, обусловленной развитием производительных сил;

2) идущий от работ М. Вебера и А. Тойнби цивилизационный (хозяйственно-культурный) подход, продолжением которого являются связанные с этносоциологией (Г. Хофстед, Г. Триандис и др.) исследования национальной хозяйственной ментальности как детерминанты национальных моделей экономики;

3) сформулированная К. Поланьи концепция параллельного развития отношений реципрокности, редистрибуции и торговли как специфических форм обмена в условиях общественного разделения труда;

4) разрабатываемая в трудах

¹ Н. Крафтс прямо признает «неудачи попыток сколько-нибудь полно использовать потенциал экономической науки в исторических исследованиях, и наоборот» (Крафтс Н.Ф.Р. Экономическая теория и история // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2-х т. СПб.: Экономическая школа. Т. 2. 2002, С. 995).

² См., например: Камерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней. М.: РОССПЭН, 2001; Atack J., Passel P. A New Economic View of American History: from Colonial Time to 1940. 2-nd ed. W.W.Norton&Co, 1994; The Economic History of Britain since 1700. Ed. by R. Floud, D. McCloskey. Vol. 1 – 3. Cambridge University Press, 1994.

³ North D.C., Thomas R.P. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.

институционалистов-социологов (Д. Белл, О. Тоффлер и др.) теория постиндустриального общества, являющаяся во многих отношениях модернизированным вариантом марксистской теории социально-экономического прогресса;

5) разработанный в трудах И. Валлерстайна и Ф. Броделя мир-системный подход, обращающий главное внимание на взаимовлияние и взаимообусловленность развития национальных экономик как элементов единой геоэкономической системы;

6) новая экономическая история Д. Норта, интерпретирующая институты как «правила игры» и рассматривающая прогресс в экономической истории как снижение транзакционных издержек;

7) связанная с синергетической парадигмой теория зависимости от предшествующего развития (П. Дэвид, Б. Артур), предполагающая преимущественное внимание к исследованию случайного или сознательного выбора в бифуркационных точках новых стратегий развития.

Есть точка зрения (ее называют «пост-модерной»), согласно которой время всеобъемлющих («больших») теорий вообще прошло, им на смену приходит знание контекстуальное и фрагментарное. На наш взгляд, правильнее говорить не об окончании эпохи «больших» теорий, а о временной паузе между «уходом» одной мета-теории и «приходом» другой. Такие паузы заметны в истории науки не реже, чем прямое вытеснение старой теории новой. Например, в XIX в. между осознанием кризиса классической политэкономии и рождением неоклассики прошла довольно длительная пауза (1840-1880-е гг.), во время которой на роль альтернативной парадигмы претендовали немецкая историческая школа, марксизм, камералистика и иные теории.

Новая мета-теория экономической истории призвана определенным образом синтезировать лучшие идеи всех этих парадигм. Это возможно, поскольку все перечисленные парадигмы основаны на органистической трактовке общества, рассматриваемого не как сумма индивидов, а

как система социальных организаций и социальных норм. Существующие «большие» теории не противоречат, а дополняют друг друга.

Основой такого синтеза, по нашему мнению, может стать трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов, в процессе которой происходит отбор – отчасти осознанный, отчасти стихийный – наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества. В основе этого подхода лежит соединение неoinституционализма Д. Норта с теорией социально-экономических систем, разрабатываемой марксистами и «старыми» институционалистами. Что касается других концептуальных подходов к экономической истории, то их можно ввести в мега-теорию как ее частные компоненты.

Институциональная конкуренция. Главным теоретическим принципом нового подхода является тезис о конкуренции как главном содержании экономической истории⁴. Эта конкуренция прослеживается в двух аспектах:

1) конкуренция институтов («правил игры»);

2) конкуренция экономических систем – комплексов институциональных норм.

В процессе конкурентного отбора соревнуются многие нормы и системы, частично субституциональные по отношению друг к другу. В ходе этой конкуренции происходит отбор тех институтов и тех экономических систем, которые наиболее эффективны.

Анализ институциональной конкуренции требует освещения двух основных вопросов:

1) Ради чего ведется конкуренция?

⁴ При формулировании концепции конкуренции как механизма исторического развития авторы опираются не только на ранее перечисленные теории исторического развития, но и на идеи «конкуренции как процедуры открытия», предложенные Ф. фон Хайеком (Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12. С. 5-14).

2) Каковы критерии сравнительной эффективности конкурирующих институтов?

Ответ на первый вопрос связан с узловым для современной экономической теории понятием «ограниченности ресурсов». Люди, вовлеченные в ту или иную институциональную систему, постоянно испытывают нехватку чего-либо (работников, плодородной земли, капиталов, полезных ископаемых и т.д.). Восполнить эту нехватку можно двумя путями – либо «взять у природы» (создавать новые технологии материального производства), либо «взять у других». Под «другими» здесь понимаются как раз представители иной институциональной системы, а «взять» означает либо отнять чужие ресурсы, либо перенимать чужие методы более эффективного использования своих ресурсов.

Институциональную конкуренцию можно, казалось бы, считать экстенсивным путем социально-экономического развития, поскольку она направлена на расширение количества ресурсов, находящихся в распоряжении какой-либо одной институциональной системы, а не на увеличение эффективности их использования в рамках разных систем. Однако именно конкуренция систем заставляет их мобилизовать свои способности по повышению эффективности использования ресурсов. Поэто-

му без институциональной конкуренции интенсивный путь социально-экономического развития тоже вряд ли возможен. (Отсюда, кстати, вытекает необходимость институционального разнообразия. Если будет господствовать одна-единственная институциональная система, то она в значительной степени потеряет стимулы к совершенствованию.)

Таким образом, объективная цель институциональной конкуренции – это расширение сферы действия отдельных видов или отдельных наборов «правил игры».

Ответ на второй вопрос таков: в столкновении разных институтов побеждают те, которым легче подавить конкурентов. Это, конечно, похоже на тавтологию («побеждают те, которые побеждают»). Однако такая тавтология обращает внимание на главный критерий сравнительной эффективности институтов – на их способность противодействовать «чужому». Подавление «чужих» моделей может происходить самым разным образом: либо «экспортом институтов» прямым военным насилием (завоевание Америки в XVI-XIX вв. европейцами), либо демонстрацией преимуществ своей модели и помощью в «импорте институтов» (современная политика США в отношении остального мира).

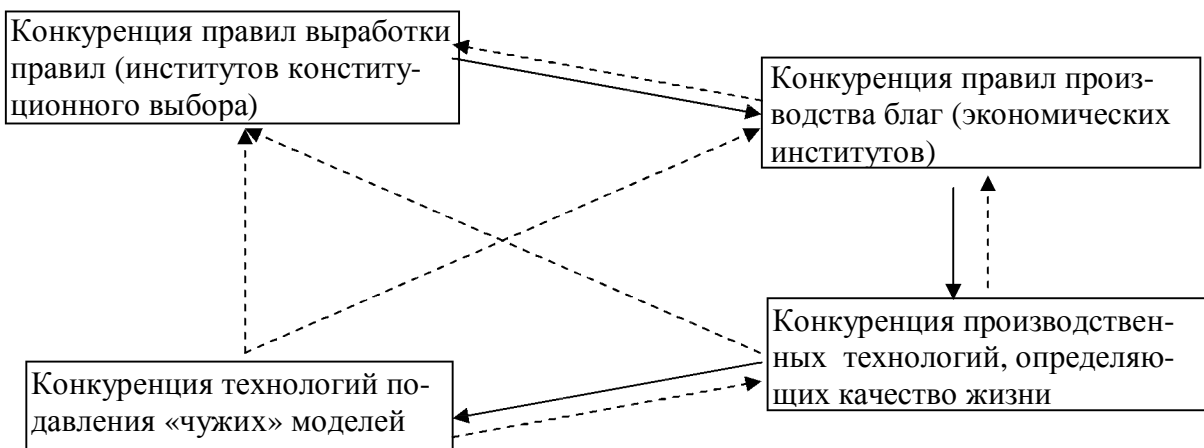

Рис. 1. Уровни конкуренции региональных (национальных) моделей экономики.

Конкуренция технологий подавления (противоборства подавлению) является

отражением других уровней конкуренции (см. Рис. 1).

Среди технологий подавления (военных, экономических, идеологических) более сильны те, которые опираются на преимущества в производстве и потреблении (уровне и качестве жизни). «Права большие батальоны», вооруженные более современным оружием и активно желающие защищать и насаждать свой образ жизни.

Конкуренция уровня и качества жизни, далее, опирается на конкуренцию правил производства экономических благ – на конкуренцию экономических институтов. Высшим уровнем институциональной конкуренции является конкуренция правил совершенствования старых и генерирования новых экономических институтов.

В этой схеме есть, конечно, не только прямые, но и обратные зависимости. Так, появление среди технологий подавления «оружия непрофессионалов» (например, простого и дешевого огнестрельного оружия в XIX в.) приводило к росту конкурентоспособности демократических правил конституционного выбора, поскольку самые широкие слои населения могли теперь весомо настаивать на своем участии в выборах.

Следует подчеркнуть, что конкурентные преимущества на более верхних «этажах» нашей схемы становятся не потенциально возможными, а реальными лишь тогда, когда они влияют на конкурентные преимущества более низких «этажей». Перефразируя классика, можно сказать, что любая институциональная система «лишь тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться» и наступать. Если некая институциональная система обеспечивает своим приверженцам более высокий уровень жизни, но не дает защиты от внешней агрессии, то подобная система заведомо не конкурентна в долгосрочном периоде. Именно такая ситуация сложилась, например, в годы Гражданской войны в России, когда «зеленая» (махновская) модель была для очень значительной части крестьян привлекательнее и «красной», и «белой» моделей, но не обеспечивала им эффективной защиты от «человека с ружь-

ем»⁵.

В том случае, когда силовые возможности разных моделей приблизительно равны, исход их противоборства может быть решен во многом случайными обстоятельствами. Именно так произошло, например, в ходе конкуренции между Москвой и Великим княжеством литовским (Русско-литовским государством) в XIII-XVI вв., когда конъюнктурный конфессиональный выбор правящей династии Литвы лишил ее возможности «разыгрывать русскую карту».

Критерий эффективности конкурирующих институтов и систем можно сформулировать и как их способность повышать благосостояние людей – благосостояние в самом широком смысле слова (не только материальное, но и духовное; не только «здесь и сейчас», но и в долгосрочном аспекте). Дело в том, что мобилизационная способность конкурирующих институтов и систем определяется тем, насколько люди могут и желают их отстаивать.

Следует подчеркнуть, что в силу зависимости от предшествующего развития эффективность институтов и систем может заметно различаться в среднесрочном и в долгосрочном периодах. Поэтому первоначально побеждавшие в конкуренции нормы и системы могут затем потерять свой конкурентный потенциал и оказаться «институциональной ловушкой»⁶.

В силу множественности конкурирующих институтов и систем процесс социально-экономического развития общества является многоуровневым и многолинейным:

- соревнуются разные формационные системы (в частности, в первой половине XX в. – командная индустриальная с рыночной индустриальной);
- соревнуются разные цивилизационные и национальные системы (так, в XX в. внутри командной системы соревно-

⁵ См.: Латов Ю.В. Экономика вне закона. М.: МОНФ, 2001. Гл. 6 (6.2).

⁶ См.: Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2.

вались советская, китайская и восточноевропейская подсистемы);

- соревнуются различные институты внутри цивилизационных и национальных экономических систем (например, в США XX в. шло соревнование между прямыми, кейнсианскими, и косвенными, неоклассическими, методами регулирования экономики).

Важно подчеркнуть, что каждый из институтов развивается не изолировано, а как элемент определенной институциональной системы. Поэтому институциональная конкуренция, как правило, является конкуренцией «пакетов» взаимосвязанных институтов. Если один институциональный «пакет» в целом эффективнее другого, то доминирующими становятся все его компоненты, даже если отдельные институты из предпочтительного «пакета» хуже соответствующих институтов менее конкурентного «пакета». Так, во время конкуренции в XIII – XV вв. московской и новгородской моделей русской государственности победила московская модель, поскольку именно она позволяла обеспечивать более высокую обороноспособность. При таком высшем критерии эффективности экономическая и политическая демократия новгородской модели уступили место помещичьей системе и царскому деспотизму.

Таким образом, экономическая история предстает как последовательность институциональных выборов – выборов траекторий развития, коллективно совершаемых отдельными социальными группами и цивилизациями во взаимодействии друг с другом.

Институциональный выбор. Институциональный выбор – это такое изменение формальных и неформальных правил, а также способов принуждения к их исполнению, когда выбирается какой-либо один предпочтительный вариант из нескольких потенциально возможных. Понятие «институциональный выбор» практически сливается с понятием «институциональной инновации». Ведь вряд ли есть хоть одна социально-экономическая проблема, которую можно решить одним-

единственным образом. Поэтому внедрение новых "правил игры" всегда требует предварительного выбора, что именно мы будем внедрять из "меню" новых институтов⁷.

Рождение новых институтов и экономических систем может являться «ответом» на «вызов» каких-либо внешних (природных) факторов (так было, скажем, в ходе неолитической революции). Однако чаще оно является результатом саморазвития самого общества – конкуренции ранее существовавших институтов. Ф. фон Хайек был глубоко прав, называя конкуренцию «процедурой открытия».

Изменения в формальных правилах (или в механизмах, обеспечивающих их соблюдение) обычно требуют весьма значительных затрат ресурсов, что ограничивает возможности институционального выбора. Экономические субъекты участвуют в институциональном выборе, направляя свои таланты и знания на поиск выгодных возможностей через создание как конечных, так и промежуточных организаций, которые действуют в экономической и в политической сферах, обеспечивая требуемые изменения в формальных правилах. Экономические изменения формальных правил могут происходить и довольно быстро, если старые институты внезапно сломаны или временно нейтрализованы (как это бывает в периоды революций или завоеваний). Чаще, однако, эти изменения происходят медленным эволюционным путем.

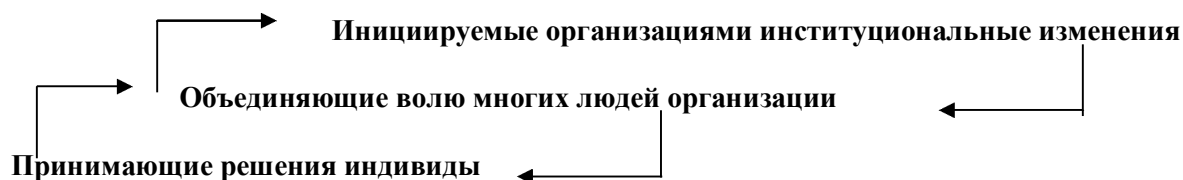
Что же касается изменений в неформальных правилах, то они осуществляются только постепенно. Темп изменений здесь совсем иной, более медленный, здесь важную роль играют культура (как механизм передачи ценностей и норм от одного поколения к другому), случай и естественный отбор.

Важную роль в институциональных изменениях играют организации. Органи-

⁷ Проблема институционального выбора и институционального конструирования применительно к современным, постсоветским реалиям разрабатывается А.А. Аузаном.

зация, в самом широком смысле слова – это группа людей, объединенная стремлением сообща достичь какой-либо цели. Преследуя цель максимизации дохода своих членов, организации и их руководители формируют направление институциональ-

ных изменений (см. Рис. 2). Таким образом, экономическая история отчасти сливается с социальной историей, изучающей формирование различных формальных и неформальных организаций (профсоюзы, корпорации, политические партии, мафия).

Рис. 2. Взаимосвязь индивидов, организаций и институтов

Существуют две основные стратегии изменений: одна осуществляется в рамках существующего набора ограничений, другая требует изменения самих ограничений.

Процесс изменений обычно включает как организационные эксперименты, так и устранение организационных ошибок. Проблема, однако, заключается в том, в какой степени общество допускает эти организационные изменения, в какой степени оно заинтересовано в устранении организационных ошибок.

Долгосрочные экономические изменения являются, как правило, результатом накопления множества краткосрочных решений политических и экономических агентов. Выбор, которые делают агенты, отражает их субъективное представление об окружающем мире. Поэтому степень соответствия между результатами и намерениями зависит от того, насколько верны эти представления. Поскольку модели поведения людей отражают идеи, идеологию, убеждения (которые, в лучшем случае, лишь частично подвергаются исправлению и улучшению обратной связью), то последствия сознательно принятых решений часто являются не только неопределенными, но и непредсказуемыми. Поэтому исторический процесс всегда допускает альтернативность, хотя и в разной мере в различные периоды.

Идеология в широком смысле слова является важным механизмом координации краткосрочных и долгосрочных при-

оритетов людей. Если бы не было идеологических мотивов, то люди делали выбор с ориентацией только на удовлетворение своих личных краткосрочных интересов. Это приводило бы к умножению «институциональных ловушек» типа «рак, лебедь и щука»: каждый отстаивает свой интерес, в результате сложения импульсов «воз» не двигается вообще никуда, или двигается туда, куда никому не надо. Любая идеологическая система (даже либерально-индивидуалистическая) предлагает руководствоваться некими мотивами, которые отражают не столько личный опыт отдельных индивидов, сколько опыт социальных групп и организаций. Поэтому институциональный выбор проходит в атмосфере соперничества идеологий, которые сами являются одним из институтов конституционного выбора. Таким образом, новая институциональная теория экономической истории требует внимания и к истории борьбы идей.

Следует подчеркнуть, что институциональный выбор категорически не сводим к метафоре «рынок институтов». Механизм выбора может быть совсем не рыночным, основанном вовсе не на добровольном согласии участников соглашения. Более того, рынок как институциональная система, возникающая в новое время, сам явился результатом нерыночного выбора, на что справедливо указывал К. Полань⁸

Институциональный выбор имеет иерархическую структуру, отражающую иерархию уровней институциональной

конкуренции: выбор отдельных экономических институтов зависит от предварительного выбора институтов конституционного выбора и сам оказывает определяющее воздействие на выбор производственных технологий. В качестве иллюстрации можно вспомнить хотя бы концепцию М. Вебера, согласно которой развитие частного предпринимательства в некоторых странах Западной Европе нового времени стало возможным благодаря сделанному в эпоху позднего средневековья выбору протестантизма как идеологии, поощряющей индивидуалистическую борьбу за личное преуспеяние.

Отбор более совершенных институтов и экономических систем может происходить разными способами - как стихийно (неосознанно), так и сознательно; с применением насилия (менее конкурентные ин-

ституты уничтожаются в ходе революций, отсталые системы гибнут в войнах с более передовыми) или мирным путем (в процессе экономических реформ, экспорта институтов и миграции ресурсов). На ранних фазах истории доминирует стихийный и насильственный конкурентный отбор, позже начинает преобладать сознательный и мирный выбор. По аналогии с изучаемой теорией общественного выбора проблемой выбора правил принятия решений можно говорить о конкуренции способов отбора институтов как о высшем уровне институциональной конкуренции в экономической истории.

Статья поступила в редакцию 31.01.2005

М.Н. КИМ, д.э.н., профессор,

С.Ю. ДЕФОРЖ,

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ.

Практически на всем постсоциалистическом пространстве парадигмой общественного развития провозглашено построение социального государства, основанного на социальной рыночной экономике, что закреплено в Конституциях молодых государств. Так, в статье I Конституции Украины провозглашается: "Украина есть суверенное и независимое, демократическое, социальное и правовое государство". Статья 13 обязывает государство обеспечивать "социальную направленность экономики" [1]. Еще более конкретно определяет экономический фундамент со-

циального государства Конституция Польской Республики: "Статья 20: социальное рыночное хозяйство, опирающееся на свободу хозяйственной деятельности, частную собственность, а также на солидарность, диалог и сотрудничество социальных партнеров, является основой экономического строя Польской Республики" [2].

Однако сегодня реально существует противоречие между определенностью политической направленности, конституционно-правового фундамента процессов постсоциалистической трансформации и аморфностью, неопределенностью научно-теоретического обоснования социально-экономических преобразований. До сих пор отсутствует целостная, научно-обоснованная концепция социально-эконо-

⁸Именно в этом заключается пафос его главной книги: Поланьи К. Великая Трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., Алетейя, 2002.